

**ВИКТОР
КОЖЕМЯКО**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
УБИЙСТВА**

ЖЕРТВЫ И ЗАКАЗЧИКИ

Власть в тротиловом эквиваленте

Виктор Кожемяко

**Политические убийства.
Жертвы и заказчики**

«Алисторус»

2012

Кожемяко В. С.

Политические убийства. Жертвы и заказчики / В. С. Кожемяко — «Алисторус», 2012 — (Власть в тротиловом эквиваленте)

Смена власти в России после развала советского государства сопровождалась целым рядом убийств и самоубийств, зачастую окутанных тайной. Есть среди них такие, которые, в силу определенных причин, получили широкую огласку. Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев, министр внутренних дел Б.К. Пуго, поэтесса Юлия Друнина, журналист Дмитрий Холодов... Многие мало, кому известны. Но за каждой смертью стоят конкретные виновники. Кто же они, эти преступники, остающиеся безнаказанными? Когда ответят за содеянное? Об этом книга известного публициста Виктора Стефановича Кожемяко, автора книг и многих ярких публикаций в отечественной прессе.

© Кожемяко В. С., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Кто виновники и когда ответят?	5
Глава первая	7
Тайна смерти маршала Ахромеева	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Кожемяко

Политические убийства.

Жертвы и заказчики

Кто виновники и когда ответят?

Жестокое, безжалостное время... Такими останутся 90-е годы двадцатого века в памяти тех, кто их пережил. Резко обесценилась жизнь человеческая. Убийства перестали быть чем-то чрезвычайным, превратившись чуть ли не в обыденное дело. И в способ захвата собственности, в грань политической борьбы...

Это не кончилось до сих пор: даже по официальной статистике число убийств в нашей стране за последние годы не сокращается, а растет. Начиналась же скорбная волна в сумрачные и не по-летнему холодные дни 1991 года, когда произошел роковой перелом в нашей стране. Словно зловещий пролог ко всему, что нас впереди ожидало, мелькнули среди бурного ликования победителей краткие сообщения трагического свойства.

Нет, я говорю не о троих «борцах за демократию», удостоенных официальной роли ритуальных жертв и посмертного (парадоксально!) звания Героев Советского Союза – страны, против которой, собственно, они боролись. Шум, поднятый вокруг случайной, но очень кстати пришедшейся гибели этих парней, не оставлял сомнений в его назначении.

Но вот другие три смерти, будто око за око и зуб за зуб. Все три – окруженные тайной.

Покончил с собой Маршал Советского Союза Ахромеев. Или его убили? Мало того, потом тело выкопали из могилы и надругались над ним.

Застрелился советский министр внутренних дел Пуго. Или его застрелили?

Выбросился из окна управляющий делами ЦК КПСС Кручина. Или выбросили его?

Проходит совсем немного времени – и кончает с собой известная всей стране женщина, фронтовая медсестра и знаменитый советский поэт Юлия Друнина. Что толкнуло ее на это? И нет ли здесь связи с тем, что в «демократической» прессе второй раз убивали в это время погибших на великой войне прославленных героев, в том числе юную и бесстрашную Зою Космодемьянскую? Поистине кощунству нет предела...

Все эти и многие другие последовавшие затем трагедии я называю убийствами при отягчающих обстоятельствах. Существует такое юридическое определение. Но, кроме юридического, есть во всем, о чем я рассказываю в этой книге, и безусловный нравственный смысл. То есть речь идет о преступлениях не только против права, но и против нравственности.

Едва ли не самой потрясающей из историй, которыми мне как журналисту довелось заниматься, стала судьба старого советского солдата Тимеряна Зинатова. Защитник Брестской крепости и Советской страны в 1941-м, он после разрушения СССР приехал на место прежних боев и лег под поезд – в знак протеста против политики Ельцина. Видимо, надеялся, что гибелью своей привлечет внимание страны и поможет ей образумиться. Увы...

За минувшие после 1991 года шестнадцать с лишним лет я прошел по следам целого ряда убийств и самоубийств, нередко окутанных тайной, рассказал о разных жертвах нового Смутного времени. Есть среди них такие, которые, в силу определенных причин, получили широкую известность, – например, молодой журналист Дмитрий Холодов или та же Юлия Друнина. Есть (их гораздо больше!) оставшиеся мало кому известными.

За время так называемых реформ Россия теряла ежегодно почти по миллиону человек. Это – статистика. Она безлична. Однако у каждого ушедшего нашего соотечественника было свое лицо, была своя биография и судьба. Обо всех безвременно и насильственно покинувших

этот свет можно сказать, что их убило время, убила нынешняя жизнь. Но есть и конкретные виновники каждой смерти.

Кто же они, эти виновники, остающиеся безнаказанными? Когда ответят за содеянное? И ответят ли?

Хочется верить, что ответят обязательно. В конце концов, есть высший суд – он, как сказал поэт, недоступен звону злата. Так пусть на неотвратимом суде, желательно и на земном, который рано или поздно должен состояться, среди других свидетельств совершенных преступлений будут представлены расследования и рассказы, собранные в этой книге.

Глава первая Это произошло в роковом 1991-м

Тайна смерти маршала Ахромеева

Время идет, и уже есть немало людей, которые не знают, кто такой был Сергей Федорович Ахромеев.

Обращаясь к светлой памяти этого человека. Прежде всего потому, что, глубоко восхищаясь им, считаю необходимым напомнить некоторые нравственные уроки его жизни, особенно актуальные сегодня. А еще не дает покоя во многом загадочная его смерть...

Вспоминая жертвы августа 1991-го, в средствах массовой информации называют обычно троих погибших при весьма неясной обстановке на Садовом кольце и ставших, кажется, последними Героями Советского Союза. Гораздо реже пишут и говорят, что были еще трое. Покончившие с собой.

Их не относят ни к жертвам, ни тем более к героям. Какие там герои, если сами руки наложили на себя! И потом – кто были-то они? Управляющий делами ЦК КПСС, то есть махровый «партократ». Министр внутренних дел СССР – член пресловутого ГКЧП. Советник Горбачева по военным вопросам, тоже ГКЧП поддерживавший...

Надо заметить, что уже тогда, когда это произошло (а самоубийства последовали одно за другим сразу после поражения «путча»), многие считали: никакие это не самоубийства, а организованные убийства. С целью устранить особо неугодных и для кого-то особо опасных свидетелей.

Ныне такая убежденность в значительной части общественного сознания не уменьшилась. И можно не сомневаться: сколько бы времени ни прошло и какие бы дополнительные аргументы, подтверждающие реальность самоубийств, ни публиковались, мнение о том, что это были убийства, хотя бы тенью, но останется. Таковы уж туманные и в чем-то мистически загадочные, необъяснимые обстоятельства всей той августовской истории – разное можно зачастую предположить, а вот доказать многое, доказать стопроцентно и твердо, оказывается невозможным. По крайней мере – пока.

Не с намерением поставить окончательную точку в исследовании разных версий смерти маршала Ахромеева взялся я в 1996 году за его дело пятилетней давности. Было бы это, пожалуй, слишком самонадеянно. Однако я знал и в ходе этой работы еще более убедился: дело «по факту смерти», прекращенное пять лет назад, вызывает ряд очень серьезных вопросов! Стало быть, их надо поставить публично.

Образ этого человека по многим своим достоинствам настолько ярок и уникален, а его трагедия настолько характерна для пережитого нами времени так называемой перестройки, что, я думаю, понять эту трагедию – значит лучше понять время.

Он стал в моем представлении одной из самых горьких жертв смутного времени, отмеченного знаком коварнейшего предательства.

И одним из самых благородных героев на все времена.

* * *

Из материалов следствия:

«...24 августа 1991 года в 21 час 50 мин. в служебном кабинете № 19 «а» в корпусе 1 Московского Кремля дежурным офицером охраны Коротеевым был обнаружен труп Маршала Советского Союза Ахромеева Сергея Федоровича (1923 года рождения), работавшего советником Президента СССР.

Труп находился в сидячем положении под подоконником окна кабинета. Спиной труп опирался на деревянную решетку, закрывающую батарею парового отопления. На трупе была надета форменная одежда Маршала Советского Союза. Повреждений на одежде не было. На шее трупа находилась скользящая, изготовленная из синтетического шпагата, сложенного вдвое, петля, охватывающая шею по всей окружности. Верхний конец шпагата был закреплен на ручке оконной рамы клеящей лентой типа «скотч». Каких-либо телесных повреждений на трупе, помимо связанных с повешением, не обнаружено...»

Дальше в цитируемом документе будет еще не одно обращение к этой теме: добровольная смерть или насильственная? То есть самоубийство или убийство? Обращения понятные. С такого вопроса всегда начинается следствие в подобных ситуациях и на него пытаются в первую очередь дать ответ.

Заключение судебно-медицинской экспертизы в данном случае вроде однозначное: не обнаружено признаков, которые могли бы свидетельствовать об убийстве. Опрошены свидетели – никто из них имя убийцы не назвал.

Этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы с абсолютной категоричностью записать:

«Лиц, виновных в наступлении смерти Ахромеева или каким-либо образом причастных к ней, не имеется».

И вот уже зам. Генерального прокурора РСФСР Е. Лисов, тот самый Евгений Кузьмич Лисов, который вместе со своим шефом – прокурором Степанковым играл главную роль в подготовке «процесса над ГКЧП», спешит дело о смерти Ахромеева прекратить. «За отсутствием события преступления»...

Мы еще вернемся к этой теме – было событие преступления или нет, имелись причастные к смерти или таковых действительно не существовало. Пока же хочу обратить внимание читателей на одну дату: постановление о прекращении дела подписано четыре месяца спустя после начала его – 19 декабря.

При других условиях, понимаю, не было бы в том ничего особенного. Но тут... Честное слово, не могу отделаться от впечатления, что к концу года торопились обязательно «закруглиться».

Цель, что ли, такая была поставлена? Задание дано? Прекратить, закрыть и поскорее забыть. А ведь в деле оставалось столько темного, противоречивого, столько фактов, буквально кричащих о том, чтобы их как-то объяснили!

Но... о «невыгодных» фактах в итоговом постановлении просто не упомянуто. Они просто опущены, дабы любому (и сразу!) не стало очевидно, что концы с концами здесь во многом не сходятся.

Явно не сходятся они и по второму пункту этого постановления – о прекращении «уголовного дела в отношении Ахромеева С.Ф. в части его участия в деятельности ГКЧП». Очень слышен тут вздох облегчения: нет человека – нет проблемы.

Удивительно ли, что многих, в том числе наиболее близких Сергею Федоровичу людей, версия следствия не убедила?

* * *

Восстановим хронику некоторых событий, непосредственно предшествовавших роковому дню – 24 августа 1991 года.

6 августа, по согласованию с президентом Горбачевым, его советник Ахромеев отбыл в очередной отпуск в Сочи. Там, в военном санатории, он и услышал утром 19-го о событиях в Москве. И сразу принял решение: лететь.

Вечером он уже был на своем рабочем месте в Кремле. Встретился с Янаевым. Сказал, что согласен с программой, изложенной Комитетом по чрезвычайному положению в его обращении к народу. Предложил начать работу в качестве советника и. о. Президента СССР.

Конкретное дело, порученное ему, состояло в сборе информации с мест о создавшейся обстановке. Организованной им вместе с Баклановым группой было подготовлено два доклада. Кроме того, по просьбе Янаева работал над проектом его выступления на Президиуме и на сессии Верховного Совета СССР. Задача – обосновать необходимость мер, принятых ГКЧП. Участвовал и в заседаниях комитета – точнее, той их части, которая велась в присутствии приглашенных.

Излагаю все это по тексту его письма в адрес Горбачева («Президенту СССР товарищу М.С. Горбачеву»), где маршал как бы докладывал потом о степени своего участия в действиях ГКЧП. Другие свидетельства, содержащиеся в деле, эти факты подтверждают.

Письмо датировано 22 августа. Провал ГКЧП уже очевиден, и Ахромеев пишет, что готов нести ответственность. Однако раскаяния в письме нет. И про самоубийство – ни слова.

Значит, если письмо подлинное и если самоубийство все-таки произошло, решение о нем стало окончательным не 22-го, а позже?

Согласно материалам следствия, на рабочем столе в кабинете Ахромеева после его смерти обнаружены шесть записок. Так вот, по датам первые две относятся к 23 августа. Одна, прощальная, – семье. Вторая – на имя маршала Соколова и генерала армии Лобова с просьбой помочь в похоронах и не оставить членов семьи в одиночестве в тяжкие для них дни.

Как же прошел для него этот предпоследний день жизни, когда (если опять-таки не подвергать сомнению, что он убил себя сам) с жизнью и самыми дорогими ему людьми мысленно он уже прощался?

Было трудное заседание комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности. И вел себя на нем Сергей Федорович, как запомнилось очевидцам, необычно. Если раньше он всегда выступал и вообще был очень активен, то на этот раз все заседание просидел в одной позе, даже не повернув головы и не проронив ни единого слова.

Есть и другие, аналогичные, показания видевших его на работе. Темное лицо, состояние заметно подавленное. Что-то писал в кабинете, стараясь, чтобы входившие не видели, что он пишет. Можно предположить: те самые записки. Предсмертные...

Словом, налицо, кажется, признаки назревавшего и готовившегося им самим конца.

Но – немало серьезных оснований и для сомнения!

Прежде всего (это почти у всех и с самого начала) возникает вопрос: почему маршал выбрал такой необычный для военного способ самоубийства? Повеситься, да еще вот так – в сидячем положении, на куске шпагата, привязанного к ручке оконной рамы... Не по-военному это. Говорят, в криминальном мире, в тюрьмах, к такому методу самоуничтожения прибегают нередко, но откуда знать про него Ахромееву.

Следствие акцентирует внимание на том, что свой пистолет маршал сдал, уходя с поста начальника Генерального штаба; сдавал и оружие, которое позже дарилось ему высокими иностранными гостями.

Верно, сдавал. Однако были же у него снотворные и транквилизаторы, которые, как справедливо заметила в показаниях следствию его дочь, позволяли уйти из жизни гораздо менее мучительно. Почему не прибег к ним?

Почему, готовясь к смерти, местом ее определил не квартиру, которая в это время пустовала, поскольку семья находилась на даче, а (очень странно!) кремлевский кабинет? И кому адресована странная записка, судя по всему, самая последняя: «Я плохой мастер готовить оружие самоубийства. Первая попытка (в 9.40) не удалась – порвался тросик. Очнулся в 10.00. Собираюсь с силами все повторить вновь»? Перед кем это он отчитывался?

Обе дочери Сергея Федоровича, с которыми он провел на даче последний вечер и утро последнего дня, не заметили в нем ни малейших признаков предстоящей беды. Как обычно: ранним утром очень долго, полтора часа, делал зарядку на улице. Во время завтрака обсуждал с ними, как лучше встретить жену и внучку, которых ждали в тот день из Сочи: «Когда мама

уточнит номер рейса, обязательно позвоните мне на работу». Уезжая, обещал младшей внучке после обеда повести ее на качели, то есть к обеду этого субботнего дня собирался быть дома.

Не укладывается в голове у дочерей и дальнейшее. Ведь после ожидавшегося звонка матери из Сочи Татьяна Сергеевна сразу позвонила отцу и сообщила, что едут в аэропорт встречать. Было это в 9.35 – выходит, как раз в то время, когда он готовился надеть на себя петлю. Но они же хорошо поговорили, и голос у него был бодрый, даже веселый!

Впрочем, если этот факт, как и что-то из предыдущего, можно мотивировать исключительной силой воли и самообладанием маршала, то затем, при изучении двух толстых красных томов, предоставленных мне в военной коллегии Верховного суда России, я наталкивался на факты, которые объяснить уже никак не мог.

Хотя бы относительно того же утра 24 августа. В показаниях Платонова Николая Васильевича, водителя автобазы Генерального штаба, который работал с маршалом, а тогда привез его в Москву с дачи, я прочитал:

«Приехали в Кремль. Ахромеев сказал: «Езжайте на базу, я вас вызову». И не вызвал. В 10 час. 50 мин. я позвонил ему в Кремль и отпросился на обед. Он меня отпустил и сказал мне, чтобы я в 13.00 был на базе. Более я с ним не разговаривал и его не видел».

Невольно подчеркнул я в этой выписке время: 10 час. 50 мин. Но ведь в 10 час. 00 мин. Ахромеев, согласно его записке, очнулся после неудачного покушения на свою жизнь и собирался «все повторить вновь»! Скажите, до того ли тут, чтобы поднимать трубку в ответ на телефонный звонок и разговаривать с шофером? Да и зачем?

Время смерти маршала судебно-медицинская экспертиза определила весьма расплывчато и приблизительно: «Смерть наступила не более чем за сутки до начала вскрытия трупа». Оговорены «значительные трудности при определении давности наступления смерти в том случае, если исследование трупа проводится более чем через 10 – 12 часов после наступления смерти и если перед этим не были проведены на месте специальные судебно-медицинские исследования». Но почему же они не были проведены?

А между тем вот еще одно показание – Вадима Валентиновича Загладина, тоже советника Президента СССР. Его кабинет под номером «19в» находился в общем коридоре с кабинетом Ахромеева «19а». Про день 24 августа Загладин свидетельствует следующее:

«Был на работе с 10 до 15 часов. Может, чуть дольше. Ахромеева не видел. Его кабинет был открыт, я это определил по тому, что в кабинет входили и выходили, но кто – я не знаю, я считал, что это входит и выходит Ахромеев, так как секретари в субботу не работали... Когда я уходил, то в двери Ахромеева ключ не торчал. Я выключил свет в коридоре между нашими кабинетами (там маленький коридор) и ушел. В кабинете Ахромеева было тихо. Я ушел из кабинета в 15 – 15.20 примерно. Я точно помню, что ключа в двери Ахромеева не было, иначе бы я не выключил свет в коридоре».

Ключ... Про этот ключ следователь переспрашивает: «Уточните, пожалуйста!» И Загладин, повторив то же самое, поясняет: «Обычно, когда С.Ф. Ахромеев был в кабинете, то ключ торчал в двери с наружной стороны».

Итак, в 15 или 15.20 ключа в двери не было, а в 21.50, когда дежурный офицер проходил мимо кабинета, его внимание привлек именно ключ!

Когда же он появился в двери?

И кто входил и выходил из кабинета после 10 часов утра? Сам Ахромеев?

Но, повторю, он же в 10.00 как бы очнулся и снова предпринимал попытку самоубийства...

Гречаная Алла Владимировна, референт Ахромеева, свидетельствует: «От кого-то из охраны, его зовут Саша, я слышала, что он видел Сергея Федоровича около 2 часов дня в субботу». Обратите внимание: около двух!

Только этих трех загадочных фактов – со звонком шофера, с ключом и охранником Сашей, – по-моему, вполне достаточно, чтобы следствие было продолжено и попыталось ответить на возникающие в связи с ними вопросы. Нет, даже следов такой попытки я в деле не обнаружил! А Сашу, судя по всему, даже и не допросили. Дело, как уже выше сказано, поспешили закрыть...

Скажу еще об одном обстоятельстве, которое привлекло мое внимание, причем каким-то зловещим отблеском. В показаниях офицера охраны Кремля Коротеева Владимира Николаевича, который, осматривая вечером кабинеты, обнаружил С.Ф. Ахромеева «без признаков жизни», далее читаю: «Об обнаружении я доложил коменданту Резиденции Президента Барсукову М.И.».

Барсуков? Михаил Иванович?!

Да, тот самый. Один из двух человек, наиболее приближенных к Ельцину в течение нескольких последних лет, упоминавшийся все эти годы в неразрывной и многозначительной связке «Коржаков – Барсуков». Выходец из КГБ, возглавивший в конце концов новую, ельцинскую, спецслужбу...

Случайно ли именно он появился на месте смерти Ахромеева той таинственной ночью? И когда появился?

Согласно его показаниям, Коротеев доложил ему около 24 часов. Однако сам Коротеев называет другое время – 21 час 50 мин. Причем прямо говорит, что труп обнаружил он (помните, «без признаков жизни?»). Но в показаниях Барсукова происходит иначе!

«...Коротеев В.Н. доложил мне, что в 19«а» – кабинете советника Президента СССР Ахромеева С.Ф. ключ в замочной скважине, а света в кабинете нет и что он просит меня прибыть... Я поднялся на 2-й этаж в 19 «а», заглянул в кабинет. У окна в неестественной позе я увидел советника на полу...»

То есть, выходит, Коротеев в кабинет даже не заглядывал, а труп обнаружил Барсуков? Странная разногласия, ставящая под сомнение все остальное в этих двух показаниях:

Сам собой возникает и такой вопрос: кто же он был тогда, Михаил Иванович Барсуков? Официально, по должности – комендант комендатуры корпуса № 1 Кремля. Коротеев называет его комендантом Резиденции Президента. Разумеется, Президента СССР. Но не работал ли он уже и на казавшегося горбачевским антиподом Президента России?

В самом деле, один из будущей одиозной пары ельцинских приближенных уже неотлучно следует в те августовские дни за своим «хозяином» по коридорам и подвалам «Белого дома» и даже запечатлен рядом с ним на «историческом» танке. Другой в это время – в кремлевских коридорах, куда Ельцину победителем скоро предстоит войти. Кто-то ведь, наверное, должен был готовить место.

Много тайн, очень много, скрывают коридоры власти...

* * *

Итак, что же все-таки произошло 24 августа 1991 года в Кремле – самоубийство или убийство?

Если убийство, то чем оно было вызвано и как совершено?

Если самоубийство, то почему пошел на него Ахромеев – человек редкостно мужественный, волевой и жизнелюбивый?

Выше я уже назвал немало доводов, возникающих при внимательном изучении материалов следствия и вызывающих очень серьезные сомнения, что смерть маршала была добровольной. Беседы с близкими ему людьми такие сомнения укрепляют.

Никогда не верила и до сих пор категорически не верит в самоубийство жена его Тамара Васильевна. Не верят дочери Наталья и Татьяна. Не верят генералы армии Валентин Варенников и Михаил Моисеев, учившиеся и работавшие рядом с ним долгие годы, хорошо его знавшие. Да многие, с кем я говорил, не верят.

Один из главных аргументов против самоубийства – характер этого человека.

«Я откровенно скажу, что такой человек, как Сергей Федорович Ахромеев, не мог, просто не способен покончить жизнь самоубийством».

Это говорит, давая свидетельские показания, Малинецкий Георгий Геннадиевич – зять, муж дочери Татьяны. Чувствуете, насколько твердо говорит? Он-то имел возможность соприкоснуться с характером своего тестя больше в бытовой, семейной обстановке, но и для него несомненны огромная сила воли и стойкость маршала, непоколебимый его природный оптимизм. Словом, крепчайший внутренний стержень, будто специально созданный и закаленный для трудной воинской службы.

Послушаем жену. Она знала Сергея Федоровича с детства – учились в одной школе. Знает его характер и жизнь, наверное, лучше всех.

– Он рано остался без отца, с матерью. В школе увлекался историей и литературой, даже собирался поступать в ИФЛИ – знаменитый в свое время Институт философии, литературы и истории. Но получилось так, что мама его вынуждена была уехать к дочке, вышедшей замуж, он остался один. Приходилось подрабатывать. Жил в кабинете директора школы. А в 1939 году по комсомольской путевке пошел в военно-морское училище.

– Это было призвание или долг?

– И то и другое. Сами знаете, какое было время: все дышало предчувствием войны. Она через два года и началась...

– Сергей Федорович сразу попал на фронт?

– Фактически сразу. Он был в училище имени Фрунзе в Ленинграде. Ну вот, июль – отражение морских и воздушных десантов в Прибалтике, затем – блокада, тяжелое ранение. Выжил чудом. Буквально с того света его вытаскивали. Между прочим, врач в госпитале сказал ему тогда: хочешь жить – бросай курить. Больше он за всю жизнь не выкурил ни одной папиросы. Это к вопросу о характере.

– И он всегда был таким?

– Сколько его помню. За 51 год службы не имел ни одного выходного дня, ни одного полностью использованного отпуска. Подъем каждое утро – в 5.20, полтора часа – зарядка во дворе в любую погоду. В 7.30 уезжал на работу, а возвращался в 23.00. В общем, сила воли действительно необычайная.

– Вам доводилось видеть его в разных состояниях, связанных со службой?

– Мы много кочевали. После войны и Академии бронетанковых войск – Дальний Восток, потом Белоруссия, Украина, опять Белоруссия и опять Дальний Восток... Знаете, у него как у командира, отвечавшего за очень большие коллективы людей в войсках, бывали тяжелейшие ситуации, всякого рода ЧП. Естественно, переживал, иногда очень остро переживал, он ведь не железный. Но в растерянности, а тем более – в панике я не видела его ни разу. Вот и поэтому не верю, что мог руки на себя наложить...

* * *

Да, судьба испытывала его на излом не раз, но он стойко держался.

Мало кто знает, что Ахромеев, в то время первый заместитель начальника Генерального штаба, один из немногих в военном руководстве, решительно возражал против ввода наших войск в Афганистан. Мало кому известно, какую роль сыграла наша армия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, и Ахромеев, тогда начальник Генштаба, стал одним из ведущих организаторов этих беспрецедентных по масштабу и сложности работ.

Получается что же? Выдержал и Великую Отечественную, и Афганистан, и Чернобыль, а тут, когда ни войны, ни аварии ядерного реактора, вдруг проявляет непонятную слабость.

В самом деле, трудно это понять и принять.

Николай Николаевич Энгвер, народный депутат СССР, много общавшийся с депутатом Ахромеевым по делам воинов-«афганцев» и не раз говоривший с ним об «афганском син-

дроме», знает, что маршал считал самоубийство для военного именно слабостью. Допускал его лишь в одном случае: когда являешься носителем информации высшей секретности и не можешь предотвратить захват себя врагом. Ибо пытки, а особенно – современные психотропные средства позволяют многое «вытянуть» из человека, даже против воли его...

Еще тогда, вскоре после рокового августа-91, возникла версия, что Ахромеева принудили к самоубийству, угрожая репрессиями против семьи. На такую мысль наводят, в частности, и строки из адресованного семье прощального письма:

«Всегда для меня был главным долг воина и гражданина. Вы были на втором месте...

Сегодня я впервые ставлю на первое место долг перед вами...»

Если представить, что окончательную и теперь вполне конкретную угрозу расправы с семьей он услышал, уже приехав на работу в последнее утро, то получают объяснение и спокойный его уход из дома, и намерение быть к обеду, когда прилетят из Сочи жена с внучкой, и записка, в которой он с кем-то объясняется по поводу неудачной первой попытки убить себя. Кстати, те, с кем он объясняется, могли предложить ему и этот используемый в криминальном мире способ самоубийства.

Кому и зачем понадобилось убрать маршала?

Есть разные варианты ответа на этот вопрос. Но все сводятся по существу к тому, что он слишком много знал и для многих стал слишком неудобен.

Известно, например: в тот критический момент готовился выступить на сессии Верховного Совета СССР, которая была назначена на 26 августа. Честное и прямое его слово представляло серьезную опасность для тех, кто приступил в это время к решающему акту осуществления своих коварных планов.

Впрочем, кристальная честность, несгибаемая принципиальность этого человека давно уже стали опасностью и для него самого. В свидетельских показаниях Г. Малинецкого читаю:

«Неоднократно говорил, что его политическая борьба как депутата и общественного деятеля может угрожать благополучию его семьи, его свободе, а возможно и жизни. После опубликования статьи в «Советской России» «Кому мешают генералы», по его словам, звонили на работу и угрожали расправой».

Да что там телефонные звонки и анонимные письма! Грозилы весьма недвусмысленно даже с газетных страниц. У меня все дрогнуло внутри, когда в одном из набросков ахромеевского выступления в Верховном Совете, где он намеревался сказать, в частности, о кампании травли и клеветы, организованной против него «демократической» прессой, я прочитал: называют военным преступником, пишут, что Ахромеева должна постигнуть «судьба Шпеера и Гесса».

Оба, как известно, были осуждены Нюрнбергским трибуналом, а Гесс, приговоренный к пожизненному заключению, в конце концов умер в петле.

Что-то уж чересчур прозорлив оказался «демократический» автор в зловещем своем предсказании, каким образом маршал должен уйти из жизни...

* * *

Я написал: кампания травли и клеветы. Но ведь многие, наверное, уже забыли, а молодые и не знают, что это была за кампания и почему объектом ее, одним из центральных объектов стал Ахромеев.

Напомню. Шло наступление на нашу Родину. В этот раз оно началось не одномоментно и не прорывом внешних границ, как в июне 41-го. Главное направление его было организовано изнутри страны.

Оно не было военным и вообще никаким наступлением не называлось: ему дали вполне мирное название «перестройка».

Да никто ведь и не говорил (разве можно!), что цель начатого – уничтожение Отчизны. Лозунги звучали хорошие: «Ускорение и эффективность!», «Больше демократии – больше социализма!» А вот на деле...

На деле постепенно стало проясняться, что социализма не должно быть совсем. Более того, не должно быть Советского Союза!

Путь к этому, вспомните, прокладывался массированными атаками на главные духовные и государственные наши опоры и скрепы. На историю нашу. На партию. На армию.

Многие ли сразу поняли смысл и конечную цель этих оглушительных психических атак? Многие ли встали против них? Оглядываясь назад, скажем прямо: нет, не многие.

Маршал Советского Союза Ахромеев встал одним из первых. Решительно и смело, как поднимались солдаты в бой под вражеским огнем и как сам он на фронте не раз поднимался.

Жена сказала так:

– Слова «раньше думай о Родине, а потом о себе» он понимал буквально и всю жизнь следовал им. Они не были для него высокопарной фразой.

И вот он почувствовал, что над Родиной совершенно неожиданно опять нависла угроза. Нет, пожалуй, не сразу и он, как и все мы, осознал глобальные масштабы этой угрозы. Восприняв всей своей открытой, широкой душой провозглашенные цели перестройки, благородные и красивые, поначалу считал коробившие его публикации в некоторых изданиях просто плодом безответственности отдельных журналистов в погоне за сенсацией. Так сказать, издержки гласности.

Однако и эти «отдельные издержки», особенно связанные с фальсификацией истории Великой Отечественной войны, молча терпеть не мог. Помню, как стал привозить и присылать статьи к нам в «Правду». Меня еще удивляло: военачальник такого ранга находит время и силы, чтобы спорить с какими-то мелкотравчатыми писаниями! Но однажды услышал ответ маршала моему коллеге по редакции примерно на тот же вопрос:

– Молчать нельзя, когда лгут. Надо давать сдачу. Иначе совсем обнаглеют.

Они наглели, несмотря на голос Ахромеева и других, кто пытался говорить правду, но чьи голоса вскоре уже многократно перекрывались шумным гвалтом «демократической» прессы.

И тогда он поймет, тогда напишет: «Они осуществляют вполне определенную политическую линию. Все наше прошлое перекраивается. А ведь без достойного прошлого у страны не может быть и нормального настоящего, не может быть будущего. Дорого обойдется Отечеству разрушительная работа новоявленных демократов».

Как часто вспоминаю я сегодня эти его пророческие слова! Впрочем, теперь многим очевидно, насколько правы были предупреждавшие, что мы можем лишиться нормального настоящего и будущего.

А в то время этих предупреждавших постарались опорочить в глазах людей, дабы люди их просто не слушали. Если недостаточно было ярлыков типа «консерватор» и «противник перестройки», если после этого человек не отступал и не прекращал борьбу, а его борьба приобретала все более впечатляющий характер, против него организовывалась целенаправленная «персональная» кампания. И тут уж, что называется, все средства хороши – не останавливались ни перед чем.

Читаю в дневнике Ахромеева:

«По отношению ко мне, например, сегодня органы печати, начиная с газеты «Известия» до «Литературной газеты», развернули настоящее преследование, изо дня в день пишется заведомая неправда. Совершенно бесполезно говорить о какой-то справедливости. Шабаш преследования можно сравнить с кампаниями, которые были организованы против Лигачева Е. К. Цель одна – заставить меня замолчать. Не удастся – скомпрометировать».

Поразительно, до какой оголтелости доходили в обвинениях его! Больно читать наброски выступлений и статей, в которых он вынужден доказывать нелепость многочисленных обвинений.

«Военный преступник» – это, конечно, за Афганистан, где около двух лет он был начальником штаба оперативной группы Министерства обороны. Выполняя решение высшего руководства страны.

А вот из письма Ахромеева главному редактору «Известий», которое, как и многие другие подобные его обращения, осталось не только не опубликованным, но и безответным:

«Газета «Известия» говорит неправду:

– что скрывал данные о состоянии Вооруженных Сил в своей стране и раскрывал их в США;

– изображает меня сегодня воришкой, залезающим в карман государству...»

Боже мой, вот это, последнее, осталось у меня в памяти как верх позора для тех, кто в тоге «борцов с привилегиями» травил честнейшего человека! Это ведь было не только в «Известиях». Может, и вы вспомните горящие глаза и холодный прокурорский голос белокурой девицы, вскакивающей на телеэкране из депутатских рядов и обличающей, обличающей, обличающей...

А о чем, собственно, шла речь? Маршалу предложили на госдаче, где он жил с семьей из восьми человек, по государственной цене выкупить мебель, которую он до этого арендовал. Старую мебель.

Сопоставьте это с тем, как вскоре «борцы с привилегиями» разворуют и распродадут всю страну.

Видя сегодня на телеэкране модно одетую белокурую мадам, что-то лепечущую о социальной защите сирых и бедных, я всегда думаю: неужели не является тебе по ночам тень маршала Ахромеева? Того, который за величайшую скромность и аскетическую неприхотливость друзьями был назван спартанцем. Который, перейдя на должность советника президента, отказался от повышенного в полтора раза оклада. Который, даже прощаясь с жизнью, не забыл, что он должен в столовую несколько рублей, и в одной из последних записок попросил вернуть долг, приложив деньги.

Вы, нравственные пигмеи, злобно и жестоко травившие такого человека, разве вы способны – ну не подняться до его высоты, нет, а хотя бы эту высоту понять?

* * *

Наконец, еще об одной, важнейшей, стороне пережитой им драмы, которая обернулась трагедией.

Давайте повнимательнее подумаем: с кем боролся он в эти последние годы своей жизни?

«Мне понятно, – пишет в дневнике, – что соответствующая пресса свое дело будет делать и дальше. Всегда найдутся бойкие перья, которые за хорошие деньги напишут любую гнусность, тем более что отвечать за это никто не будет. И есть политические силы, которые им эту гнусность закажут».

Так в каких же политических силах видит он своих противников?

Называет печатные издания: «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты»...

Использует вошедшие в обиход определения: «демократы», «межрегионалы»...

Резко критикуя перевертышей типа Волкогонова, отмечает: «Теперь генерал-полковник Волкогонов – антикоммунист. Сегодня он изменил делу КПСС и встал под знамена одного из бывших руководителей КПСС, а теперь воинствующего антикоммуниста Б.Н. Ельцина».

Значит, противники – антикоммунисты...

Но с кем он, коммунист Ахромеев, вступивший в партию на фронте, не менявший и не предававший своих убеждений, оказался в этот сложный исторический момент?

Он был, как принято говорить, в команде Горбачева. Был, волею судеб, в ближайшем окружении его. Но кто был Горбачев?

Вскоре после смерти Ахромеева в издательстве «Международные отношения» вышла последняя его книга, написанная в соавторстве с бывшим заместителем министра иностранных дел Г. Корниенко, «Глазами маршала и дипломата». Критический взгляд на внешнюю политику до и после 1985 года. Очень маленьким тиражом вышла, да и то удивляюсь, как это выпустили ее тогда! Читая дневник Сергея Федоровича, я видел, с какой настойчивостью, несмотря на нездоровье и занятость многими другими делами, работал он все последние месяцы над книгой, давая себе задания буквально на каждый день. Словно боялся, что не успеет высказаться. Так вот книга эта, в чем-то исповедальная, вместе с дневником помогает конкретнее представить очень непростые его отношения с тем, в чью «команду» он входил, и глубже понять драматизм положения, в которое был поставлен.

Тема горькая и большая. Возьму для примера один факт.

Известно, что Ахромеев, будучи начальником Генштаба, а затем советником президента страны по военным вопросам, принимал активное участие в подготовке важнейших советско-американских переговоров, связанных с сокращением вооружений. В 1987 году на повестке дня был договор по ракетам средней и меньшей дальности.

«Упорная борьба», «напряженное противоборство», «настоящая дуэль» – такие выражения в книге Ахромеева нередки. Понятно, вести дело так, чтобы согласие достиглось и решения в конце концов принимались, но без ущерба для наших государственных интересов, было нелегко. Американцы-то о своей выгоде ни на минуту не забывали!

В этот раз наиболее серьезное «перетягивание каната» возникло по поводу советской ракеты «Ока», именовавшейся на Западе СС-23. Почему? Ракета новая, последнее достижение нашей военно-технической мысли. Американцы заинтересованы, чтобы у нас ее не было.

Но под условия договора она не подпадает. Ликвидации подлежат ракеты средней дальности – от 1000 до 5500 километров и меньшей – от 500 до 1000. Максимальная испытанная дальность «Оки» – 400 километров. И тем не менее... она попала под уничтожение! Каким же образом это могло произойти?

Ахромеев, конечно, твердо стоял на своем, парируя все хитрые уловки американской стороны. Как всегда. Недаром имевшие с ним дело американские военные так уважали его за патриотизм и высочайший профессионализм. Вот и теперь, в конечном счете, им было предложено: что ж, давайте по-честному – запретим все ракеты в диапазоне не с 500, а с 400 до 1000 км. Тогда была бы поставлена преграда для создания модернизированной американской ракеты «Лэнс-2» с дальностью 450 – 470 км. Паритет был бы сохранен.

Однако, приехав в Москву, госсекретарь США Шульц ставит вопрос перед Шеварднадзе о подведении СС-23 под понятие «ракеты меньшей дальности». И получает ответ: для нас это не будет проблемой.

На встречу экспертов, состоявшуюся в тот же вечер в МИД, представителей Генштаба даже не приглашают. А во время состоявшейся на следующий день беседы Горбачева с Шульцем о включении СС-23 в понятие «ракеты меньшей дальности» говорилось уже... как о решенном вопросе. Без всяких оговорок, что нижний предел дальности должен уменьшиться и для американцев!

Ахромеев в книге пишет:

«На состоявшейся 23 апреля беседе М.С. Горбачева с Дж. Шульцем мое участие не планировалось, и первая половина ее (в ходе которой была закреплена упомянутая договоренность о ракете «Ока») прошла без моего участия. Однако в середине их беседы я совсем неожиданно был вызван Генеральным секретарем для выяснения некоторых обстоятельств переговоров в Рейкьявике в составе рабочей группы Нитцке – Ахромеев. Я дал необходимые разъяснения и был оставлен на беседе, где пошел разговор о конкретных вопросах будущего договора по

сокращению СНВ. О решении же в ходе первого этапа этой беседы вопроса о ракете «Ока» я узнал только на следующий день из газет, прочитав сообщение о встрече М.С. Горбачева с Дж. Шульцем, да еще с указанием, что на беседе присутствовал начальник Генерального штаба».

Вот оно как! На вторую часть беседы его и пригласили-то, видимо, для того, чтобы дать именно такое сообщение в газетах. А по существу – обманули. И его, и всех.

«Военное руководство было возмущено случившимся», – замечает Ахромеев. Он пишет предельно сдержанно, хотя чувствуется, что и спустя время в душе его все клокочет. О непосредственной же реакции мне рассказывал Валентин Иванович Варенников, который был тогда первым заместителем Ахромеева в Генштабе:

– Приехал я из Афганистана, где находился в длительной командировке, и сразу к нему. А он, как будто предвидя мой первый вопрос, буквально бросился мне навстречу: «Не думай, что это сделал я!» Видно было, сильно мучается.

Поводы для мучений возникали все чаще. Однако и в конкретных ситуациях, подобных вот этой, и при оценке ухудшавшегося положения страны в целом он еще долго не сможет прямо сказать: виноват Горбачев.

Ему уже ясно, разумеется, что дело не только в «межрегионалах», в так называемой демократической оппозиции. Он видит своих противников уже в руководстве страны. Называет уже поименно: Яковлев, Шеварднадзе, Медведев... А для Горбачева все-таки находит оправдания – наверное, его «подставляют».

Драма честного человека, живущего по совести и не представляющего, что совесть может быть эластичной, что можно думать одно, говорить другое, а делать третье. Драма доверия и верности!

Между тем, как я уже тогда почувствовал, а теперь совершенно отчетливо понимаю, для Горбачева и действительно близких ему людей Ахромеев не был «своим». И становился все более неприемлемым.

Запомнился случай, происшедший где-то в конце 1989-го или в начале 1990-го. Главным редактором в «Правду», сменив «консерватора» Афанасьева, был уже прислан «прогрессивный» Фролов – полномочный и доверенный ставленник Горбачева. Однажды дает мне статью. С недовольным, каким-то брезгливо-кислым видом:

– Ахромеев написал. Поглядите.

– Готовить к печати?

– Я же сказал: поглядите!

Кричать на подчиненных Иван Тимофеевич умел – по поводу и без повода, а в данном случае причина раздраженности его стала мне абсолютно ясна, когда прочитал статью. Это был сгусток боли, резкий протест против того, что вело все к большему и большему развалу страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.